

Бригадина, О.В. Советские диссиденты о нравственном выборе и интеллектуальном сопротивлении власти. / О.В. Бригадина // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист.фак. БГУ. Минск, 15-16 апр. 2004 г. / редкол.: В.Н. Сидорцов (отв.ред.) и др. – Мн.: БГУ, 2004. – С. 284-285.

О. В. БРИГАДИНА
Республика Беларусь, г. Минск

СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ О НРАВСТВЕННОМ ВЫБОРЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ СОПРОТИВЛЕНИИ ВЛАСТИ

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила Всеобщую декларацию прав человека. Декларация призывала все народы и страны защищать честь и достоинство отдельной личности, соблюдать права человека, ибо личность выше государства, выше политики, выше мертвой догмы. «Каждый человек имеет право» – эта фраза звучит рефреном почти в каждой статье Декларации. Были провозглашены основополагающие задачи, «к выполнению которых должны стремиться все народы и государства» [4, 6].

К сожалению, исторический опыт свидетельствует о многочисленных фактах нарушения прав личности в СССР: массовые политические репрессии, насильственная коллективизация, депортация народов и т. д. По мнению одного из организаторов межрегионального конкурса учителей 2003 г. «История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР» доктора исторических наук И. С. Розенталя, «идеологическими истоками советской репрессивной политики являлось марксистско-ленинское учение о государстве, и в частности о диктатуре пролетариата, основанное на отрицании демократических принципов и прав личности, на абсолютизации насилия» [10, 320]. Однако, несмотря на деятельность политических структур и репрессивных органов, в обществе постепенно формировалось поколение инакомыслящих.

Диссидентское движение в СССР было неоднородным и разноплановым. Это и осознанное политическое сопротивление, и массовое стихийное движение, вызванное конкретными обстоятельствами. К открытым формам борьбы были готовы лишь единицы, которых Л. М. Алексеева сравнивала с народниками или декабристами [1, 14]. Среди широких слоев населения существовало пассивное неприятие власти. Этот протест не имел четко определенных форм, политический смысл отходил на второй план, но в конечном итоге он свидетельствовал о нарастании оппозиционных настроений в стране.

Один из первых исследователей диссидентского движения А. Амальрик отмечал, что оно включало в себя три альтернативные программы: «подлинный марксизм-ленинизм», либерально-демократическую и народно-христианскую [5, 624]. Ему же принадлежит попытка анализа социального состава участников движения: из 738 человек, подписавших коллективные и индивидуальные письма протеста против суда над Ю. Галансковым и А. Гинзбургом, было 45 % ученых, 22 % деятелей искусств, 13 % инженеров и техников, 5 % студентов, 9 % издательских работников, учителей, врачей и юристов, 6 % рабочих [2, 651]. Интеллигенция стала лидером оппозиционного движения в СССР. «В конечном счете, – считал Г. Померанц, – интеллигенция должна выйти за свои рамки, захватить, просветить массы. Но прежде, чем посолить, надо стать солью, прежде, чем просвещать, надо стать светом, перестать быть человеком массы, перестать быть частицей тьмы» [9, 111].

В условиях относительной либерализации общества после XX съезда КПСС вместо пассивного восприятия официальных установок началось обсуждение причин формирования культа личности в стране. Одним из проявлений диссидентства стало письмо в Президиум ЦК КПСС члена партии с 1920 г., сотрудника Института русской литературы АН СССР И. А. Алексеева, который назвал настоящей трагедией для масс, партии и народа «исторический акт единовластия в системе советского строя» [8, 148]. В Теплотехнической лаборатории АН СССР в марте 1986 г. при обсуждении доклада Н. С. Хрущева развернулась дискуссия о монопольном праве высшего партийного руководства на истину в последней инстанции. Свой выбор сделал тогда Ю. Ф. Орлов,

заявив, что «партия пронизана духом рабства... пресса состоит из проходимцев и приспособленцев. В лице

284

госбезопасности мы вырастили такого ребенка, который бьет нас по морде» [7, 114–118]. В выступлениях прозвучала даже мысль, что «самой радикальной мерой изжития вредных явлений... может быть вооружение народа» [8, 149].

Большой резонанс имело выступление в сентябре 1961 г. генерал-майора П. Г. Григоренко на Московской городской партконференции, посвященной обсуждению проекта программы КПСС. Будущий лидер «Союза борьбы за возрождение ленинизма» предлагал ликвидировать «высокие оклады, несменяемость в партии... прямо записать в программу о борьбе с карьеризмом, беспринципностью, взяточничеством... обманом партии и государства в интересах получения личной выгоды» [8, 205].

А. Амальрик в своей работе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» констатировал: «По-видимому, мы уже достигли той мертвой точки, когда понятие власти не связывается ни с доктриной, ни с личностью вождя, ни с традицией...» [2, 653]. Одной из причин кризиса советского общества А. Зиновьев считал «жалкое состояние идеологии, жизненную ее неспособность, неадекватность времени» [6, 23].

Недоверие к власти особенно заметно было в молодежной среде. Убеждение, что она не способна принять радикальные идеи, привело к созданию подпольных групп и самиздата. Антикоммунистические настроения были характерны для членов кружка Р. И. Пименова (Библиотечный институт, г. Ленинград), В. И. Трофимова (Педагогический институт, г. Ленинград), Л. И. Краснопевцева (МГУ). Сознание, что «мы стоим накануне внутренней катастрофы, которая могла разразиться стихийно в любой момент и бросить страну в хаос» было характерно для руководителей «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа» (г. Ленинград) [6, 35]. Программной целью ВСХСОН являлось создание «теократического, социального, представительного и народного государства» [5, 628]. Готовность применить экстраординарные методы борьбы с советской властью выражали и другие неофициальные молодежные группы, общее число которых, по некоторым данным, в 1967 г. достигло 400 [5, 621]. В 1960-е гг. интеллигенцию волновал вопрос: «Что делать?» Объединяло общее дело возможных, но несостоявшихся реформ. После августа 1968 г. люди почувствовали себя в тупике, выход из которого многие видели в эмиграции.

По признанию Э. С. Кузнецова, участника т. н. «процесса самолетчиков», «я всегда хотел уехать из страны. Сознательно. Это было мечтой моего детства. Отчасти от этого я и стал с ранних лет антисоветчиком... я более категорично не приемлю советскую систему. Бескомпромиссно» [7, 64].

Как заметил известный советский бард Юлий Ким, «некоторые оказывались диссидентами поневоле, когда подписывали какие-то крамольные воззвания, не ожидая, что их начнут выгонять с работы, а то и просто судить и сажать. Но потом многие упорствовали в своих поступках и шли на конфронтацию с властью уже сознательно... Важно, что человек вообще решался на поступок. Хотя бы однажды в своей жизни» [11, 5].

1. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992.
2. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991.
3. Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1938–2002. М., 2003.
4. Всеобщая декларация прав человека. Мн., 2000.
5. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 2000.
6. Медведев Ф. Падение с зияющих высот // Родина. 1990. № 8.
7. Орлов Ю. Ф. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. М., 1992.
8. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998.
9. Самиздат века / Сост. А. Стреляный. М.; Мн., 1997.

10. Школьные уроки по теме «История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР» / Науч. ред. Г. В. Клокова. М., 2003.
11. *Ким Юлий*. В эталонах нуждаются слабые // Известия. 2000. 29 сент.